

Цзи Шаотин казался иллюзией, пришедшей из мира, лежащего за пределами обыденности, а та крошечная родинка на краю его брови была следом, оставленным им при вселении в это брэнное тело.

Ли Чэнь долго смотрел на неё, его дыхание постепенно становилось глубже, и, наконец, он протянул руку, позволив кончикам пальцев легонько коснуться её.

На следующий день, когда они отправились навестить Чэнь Пэй, главный врач пришёл обсудить с Ли Чэнем дальнейшее лечение, а Цзи Шаотин один вошёл в палату. Чэнь Пэй слушала радио, её лицо было пустым, но, услышав, как Цзи Шаотин называет её тётей, на её лице появилась улыбка.

— Сегодня я приготовил суп, — сказал Цзи Шаотин, придвигая стул из угла. — Вы в прошлый раз говорили, что у вас сушит в горле. Я приготовил суп с серебряными ушками, он очень питательный.

Кулинарные уроки Цзи Шаотина шли успешно. Он был человеком, готовым учиться, и у него было много времени для практики, поэтому прогресс был заметен. Чэнь Пэй попробовала суп и не смогла остановиться, выпив всё, что он принёс. Цзи Шаотин аккуратно вытер остатки супа с её губ, его глаза светились радостью:

— Так вкусно?

— Конечно, — ответила Чэнь Пэй, выдыхая воздух. — У тебя золотые руки.

Цзи Шаотин был настолько рад, что его натура вышла наружу, и, пока Ли Чэня не было рядом, он тихо пожаловался:

— Но сегодня я попросил Ачэня попробовать, а его лицо было таким, будто он пил простую воду. Я даже подумал, что зря старался.

Чэнь Пэй спросила:

— Он всё выпил?

— Только маленькую чашку, два глотка, — ответил Цзи Шаотин, намекая, что такое количество не означает, что Ли Чэню понравилось.

Но Чэнь Пэй засмеялась:

— Значит, ему понравилось. Если что-то ему не нравится, он даже не станет пробовать. Тинтин, когда вернёшься, приготовь ему большую порцию, я уверена, он всё выпьет.

На самом деле Цзи Шаотин тоже чувствовал, что Ли Чэнь — человек с непростым характером, неспособный прямо выражать свои чувства. Но понимать — это одно, а жить с этим — совсем другое:

— Характер Ачэня...

— Да, есть проблемы, — Чэнь Пэй была ещё более прямолинейной.

Детство Ли Чэня было не из лёгких.

Цзи Шаотин знал о сложной структуре семьи Ли, его брат рассказывал ему об этом, но рассказ

Чэнь Пэй был более мягким, он следовал за этапами взросления Ли Чэня.

Чэнь Пэй была обычным университетским преподавателем, её любовь с отцом Ли Чэня не была одобрена семьёй Ли, и после рождения Ли Чэня её выгнали из дома. Позже отец Ли Чэня женился снова, и у Ли Чэня появилось много братьев и сестёр. Как старший внебрачный сын, Ли Чэнь не получал много любви, а ещё его часто обижали младшие.

— Он часто приходил ко мне, но это всё, что я могла сделать, я не могла забрать его из семьи Ли, — до сих пор Чэнь Пэй чувствовала себя виноватой. — После смерти отца он получил часть наследства и несколько лет потратил на то, чтобы его приумножить. Сейчас он самый успешный в семье Ли, но он всё ещё чувствует себя неуверенно, всегда старается крепко держаться за что-то, поэтому так много работает.

Цзи Шаотин молча сидел, слушая, как Чэнь Пэй говорила:

— Тинтин, ты хороший мальчик.

Черты лица Цзи Шаотина были чистыми, без следа суеты, наложенной внешним миром, его глаза были ясными, и все его мысли были видны насквозь. Когда он говорил, каждое слово было наполнено теплом.

Такой ребёнок — редкость, а у Цзи Шаотина было ещё одно редкое качество. У него было очень сильное чувство эмпатии, он был прирождённым дарителем.

Чэнь Пэй знала, что её дни сочтены, большую часть жизни она провела в унынии, но к концу почувствовала облегчение, понимая, что всё в этом мире быстротечно, и после смерти все чувства и обиды превратятся в горсть пепла, и нет ничего, что нельзя было бы простить.

Единственное, о чём она беспокоилась, был её единственный сын Ли Чэнь, пока не появился Цзи Шаотин.

На самом деле Чэнь Пэй сомневалась, не было ли появление Цзи Шаотина результатом более сложных обстоятельств, ведь всё совпало слишком удачно. Она только сказала Ли Чэню: «Но у тебя пока нет никого рядом», а через несколько дней Ли Чэнь сказал, что приведёт кого-то, чтобы она посмотрела.

Но она не хотела и не имела сил вникать в это. Как они встретились, не важно, важно, как они будут жить дальше. Цзи Шаотин был хорошим мальчиком, и, что важнее, он подходил Ли Чэню. Ли Чэнь часто требовал, а Цзи Шаотин с радостью давал. Она прожила большую часть жизни, испытав на себе все оттенки человеческих отношений, и, конечно, понимала это.

И как мать, она инстинктивно хотела оставить что-то хорошее своему ребёнку. Она должна была сделать так, чтобы Цзи Шаотин остался с Ли Чэнем.

Когда Ли Чэнь закончил обсуждать с врачом дальнейший план лечения и вернулся в палату, он услышал, как мать зовёт: «Тинтин».

Хотя Цзи Шаотин говорил, что он тоже может использовать это обращение, Ли Чэнь всё равно не хотел, даже когда это было нужно для видимости. Это было слишком близко, и где-то глубоко внутри он боялся, что такая близкая связь будет трудно разорвать, а он знал, что однажды их с Цзи Шаотином пути разойдутся.

Но следующая фраза Чэнь Пэй была:

— Когда вы поженитесь?

Серебряные ушки нужно очистить от плодоножек, промыть и замочить на пятнадцать минут.

Закончив с серебряными ушками, Цзи Шаотин перешёл к груше. Раньше он чистил фрукты с помощью ножа для очистки, делая это неровно, но недавно начал учиться использовать нож, одной рукой поворачивая грушу, чтобы лезвие шло как можно ближе к кожуре, пытаясь снять её целой.

Неудача, кожура порвалась в нескольких местах, а мякоть превратилась в многогранник.

Ли Чэнь вошёл из кабинета, чтобы налить воды, мельком взглянул на Цзи Шаотина, ничего не сказал, но и не ушёл, остановившись у двери кухни. Цзи Шаотин, который и так уже нервничал, стал ещё более напряжённым, и, когда резал грушу, случайно порезал палец.

Цзи Шаотин рефлекторно бросил нож, не успев сдержать вскрик. Ли Чэнь тут же хотел посмотреть на рану, но услышал, как он поспешно сказал:

— Всё в порядке.

Цзи Шаотин спрятал порезанный палец в ладони, вежливо улыбнувшись Ли Чэню:

— Просто поцарапал.

Ли Чэнь смотрел на улыбающееся лицо Цзи Шаотина, но его рука уже без лишних слов схватила его запястье. Цзи Шаотин, испугавшись его взгляда, инстинктивно попытался отдернуть руку, но Ли Чэнь только сильнее потянул его назад.

— Не двигайся, — приказал он низким голосом.

Цзи Шаотин подчинился. Ли Чэнь разжал его пальцы, испачканные соком груши, и на его лбу постепенно появилась складка.

Это явно было не просто царапиной, кончик ножа глубоко врезался в плоть, и кровь окрасила половину пальца.

Цзи Шаотин сидел на диване, его рука лежала на ладони Ли Чэня, он покорно позволил ему обработать рану спиртовой салфеткой. Когда Ли Чэнь наклеил пластырь, он спросил, почему рука Цзи Шаотина такая холодная. Цзи Шаотин подумал и ответил:

— Я только что мыл серебряные ушки.

Затем он спросил:

— Господин Ли, я порезал указательный палец, это немного неудобно, я могу приготовить вам суп завтра?

— Неважно, — Ли Чэнь всё ещё держал его руку.

На самом деле это было скорее лёгкое прикосновение, чем крепкое рукопожатие. Они оба молчали, но Цзи Шаотин знал, что скоро Ли Чэнь нарушит тишину.

Вопрос, который задала Чэнь Пэй, им нужно было обсудить сегодня вечером, хотя тогда Ли Чэнь ответил:

— Мы ещё не планировали настолько далеко.

— Нужно спросить твою семью?

Ли Чэнь наконец заговорил, и Цзи Шаотин напрягся, осторожно спросив:

— Могу я сначала услышать ваше мнение?

— Моё мнение, — Ли Чэнь сделал паузу, — это жениться.

Цзи Шаотин с горькой улыбкой подумал: «Это может стать новостью».

Их брак не просто создавал юридическую связь. Ли Чэнь был публичной фигурой, каждое его движение привлекало внимание делового мира. Брак, хотя и личное дело, но очень важное. Однажды заключённый, он станет объявлением всему миру, что они — пара.

Если они захотят расстаться, это будет не так просто, как подписать документы о разводе. Всю оставшуюся жизнь Цзи Шаотин будет носить титул: бывший муж Ли Чэня.

— Ты всё же поговори с семьёй, это ведь не то, о чём мы договаривались изначально.

Но Цзи Шаотин покачал головой:

— Не нужно спрашивать, господин Ли решает.

— Это неожиданно для меня, — Ли Чэнь хотел сказать, что он может отказаться, но почему-то не произнёс это.

Цзи Шаотин повернулся к Ли Чэню с улыбкой. Когда он улыбался, его лицо становилось мягче, и атмосфера разряжалась. Ли Чэнь смотрел на него некоторое время, затем серьёзно спросил:

— Ты действительно согласен?

— Согласен.

Эти три слова.

Ли Чэнь глазами скользил по родинке на краю брови Цзи Шаотина, чувствуя, что сегодня она особенно яркая, как будто стала чем-то осязаемым, чем-то, что можно удержать.

Свидетельство о браке, свадьба, его законная госпожа Ли.